

СЕКЦИЯ 1

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

ТЕОЛОГИЯ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПОЗИЦИЯ ПРОФЕССОРА П. Я. СВЕТЛОВА)

А. Г. Иценко

Барановичский государственный университет

Барановичи, Беларусь

E-Mail: alex_its81@mail.ru

Со времени крушения советской системы образования во всех постсоветских государствах до сих пор происходят сложные трансформационные процессы, прежде всего в системе университетского образования. Основной вопрос, стоящий перед педагогами высшей школы: какой путь, парадигму взять как базис высшего образования – западный образец (если так, то какой именно?), адаптация советской школы к современным условиям или возврат к «советской модели» и т.д. В контексте этих дискуссий и размышлений особым вопросом стоит место в системе высшего образования такой области знаний как теология¹. До недавнего времени остается проблемным полем отсутствие баланса между юридическим и фактическим положением дел в этой области: de-facto, богословие уже функционирует в системе высшего образования (в Беларуси долгое время успешно работает Институт теологии в структуре главного университета страны – БГУ), de-jure, до сих пор в номенклатуру ВАК РБ не введена отдельная специальность «теология/богословие». Проблемой интерполяции теологического знания в структуру университета занимались много современных исследователей, как конфессиональных теологов, так и представителей светских наук, прежде всего, философов и религиоведов: А. В. Кураев, Н. Емельянов, М. О. Шахов, А. М. Прилуцкий, Е. С. Элбакян, Н. Ю. Сухова, Н. Ю. Налётова, В. К. Шохин и др. И хотя официальные структуры, например, России и Украины уже ввели официально теологию в номенклатуру научных специальностей, однако, дискуссии по этой тематике не перестают быть менее острыми (см. дискуссию, в связи с защитой диссертации прот. П. В. Хондзинского) и др. [1].

Так сложилось исторически, что, в отличие от европейского опыта, где каждый университет имел теологический факультет, в образовательном пространстве Российской империи теология сосредотачивалась в православных духовных учебных учреждениях – семинариях и академиях. Показательным является известный факт, когда организовывался Московский университет, теологический факультет не был туда включен именно потому, что богословие относилось в сфере ведения Синода и Церкви в целом.

¹ В данной работе мы будем исходить из тождества понятий «теология» и «богословие». Не совсем понятна логика мышления некоторых религиоведов (например, проф. Е. С. Элбакян), которые эти понятия разводят и нагружают дополнительными семантическими коннотациями. Здесь, как представляется, должна автоматически срабатывать «бритва Оккама», поскольку, «богословие» есть прямой и буквальный русский перевод, калька греческой лексемы «θεολογία», так он всегда и понимался в русскоязычной теологической традиции.

В этом контексте для исследователей небезынтересным является позиция мыслителей прошлого: как они рассматривали эту проблему, какие стратегии выхода предлагали, что историей было принято, что отброшено, какие альтернативы сработали и как они себя проявили практически? В этой связи, интересной представляется и размышления, и личность в целом протоиерея Павла Яковлевича Светлова (1861–1941/45 гг.) – доктора богословия, профессора Императорского университета Св. Владимира в Киеве, известного либерального богослова Русской православной церкви, активного религиозного мыслителя, оставившего после себя огромный творческое наследие, до конца еще не осмысленное и неизученное. Богословское образование П. Светлов получил в Рязанской семинарии, а потом и в Московской духовной академии. Преподавал теологические дисциплины в Тифлисской семинарии, в Нежинском историко-филологическом институте и Киевском университете.

В 80-х гг. XIX в. велись острые дискуссии по поводу «Проекта общего устава Императорских российских университетов» (1884 г.), инициированного консерватором М. Н. Катковым и министром народного просвещения И. Д. Деляновым, с целью внесения корректив в Устав 1863 г., отличавшегося либеральными нововведениями. Как утверждает историк русского богословия проф. Г. Флоровский, уже с 1870-х гг. ситуация становится всё более закрытой для богословия, это выразилось в том, что «университеты были практически закрыты для семинаристов» [7, с. 609]. Представители консерваторов полагали, что причиной упадка богословского образования были революционные брожения, оторванность богословия от церковного начала, отрыв от иерархичности [3, с. 117].

П. Светлов, как представитель либерального профессорского крыла, не стоял в стороне от этих процессов. В сентябре 1897 г. темой одной из своих вступительных лекций в Киевском университете Св. Владимира профессор П. Я. Светлов выбрал как раз проблему инклюзии теологии в университетскую систему образования. Позже, в 1906 г., уже на волне первой Российской революции с её либеральной направленностью, П. Светлов издает свои размышление на эту же тему уже отдельной работой. По итогам её разбора Совет Киевского университета посчитал целесообразным открытие богословских факультетов в университетах [5]. Также небезынтересны прения на Предсоборном присутствии 1906 г., где в ходе живой и острой дискуссии проф. П. Светлова и его оппонентов, в присутствии представителя церкви решался вопрос будущего российской теологии. Были и другие работы П. Светлова, посвященные этой тематике: «Почему духовные академии должны быть заменены богословскими факультетами?», «О реформе духовного образования в России». Но наиболее репрезентативными являются два вышеуказанных труда. Позиция Светлова сразу же не осталась незамеченной, специальный отзыв на неё пишет еще один, не менее авторитетный теолог проф. И. В. Попов, который разделял позиции Светлова, но его видение было менее радикально относительно ликвидации академий [4].

Проф. Светлов исходит из позиции, по которой сам принцип университета, как «universitas scientiarum», где ключевой категорией выступает понятие «universus», по определению не может игнорировать такой огромный пласт гуманитаристики как знание о религии в её теологической парадигме: «Каких бы взглядов мы ни держались на религию и религиозное знание вообще сравнительно с научным знанием, мы не можем зачеркнуть того явного факта, что всегда и всюду религиозное знание входило и входит важнейшей и крупнейшей составной частью в человеческое знание самой высокой ценности». Отказ от богословских знаний, как представляющих знания о религии, профессор называет «искажением и насилием действительности», поскольку, как считает мыслитель, объектом познания являются «Бог, мир и человек», где под «Богом» богослов понимал и все пространство сакрального в целом [6, с. 322].

Среди проблем существования университетского богословия, Светлов отмечает отсутствия унифицированного и внятного представления самих преподавателей теологии, что под ней понимать, как под университетской категорией и её задачах? И сам отвечая на

этот вопрос пишет: «Богословие по этому взгляду имеет целью свою обоснование или утверждение в учащейся молодежи христианских религиозных и нравственных убеждений посредством углубления и расширения религиозных познаний, полученных ею в средней школе». Теология поможет студенту в процессе самообразования выработать навык к «исканию истины», к нахождению ответов на сложные мировоззренческие вопросы, расширению своего «миросозерцания». А поскольку целью университетского образования является «познание истины, приобретение цельного мировоззрения», что невозможно только с помощью естествознания, то и место теологии здесь определяется однозначно, как университетское, поскольку она здесь выполняет функцию своеобразной метафизики, даже если её понимать, как «философскую подкладку» к естествознанию [6, с. 324–327]. Справедливости ради проф. Светлов эту мировоззренческую функцию закрепляет не только за богословием, но оно является в этой связи «одним из необходимых моментов». При этом, миросозерцание, построенное на одном лишь естествознании, является «крайне узким и односторонним», что показал, по мнению мыслителя, позитивизм, приведший к примитивному материализму [6, с. 328].

Профессор также рассматривает соотношение университетского философского курса и богословия, и приходит к выводу, что философский подход не совсем оправдывает себя, если принять во внимание, что государство ориентируется на христианскую религиозную систему и её этос. Ведь философский подход исходит из принципиального неприятия единой модели видения мира, воспринимая христианство наряду с другими концепциями и учениями, как одно из многих, что для христиански ориентированного общества не может быть приемлемо. Да и понять целостность христианского мировоззрения без глубоких теологических познаний невозможно «как в логическом, так и в психологическом отношениях». По мнению мыслителя, даже если человек был воспитан в определенных мировоззренческих установках, на определенном этапе своего развития (а по его мнению, это как раз период обучения в университете) он должен для себя их обосновать рационально и этически [6, с. 328–330].

В контексте рассматриваемой проблемы автор поднимает проблему соотношения разума и веры, приводя точку зрения Канта, Спенсера, Гердера, Конта, Руссо и др., по которой эти области человеческой экзистенции несовместимы, поскольку признается «абсолютная невозможность рассудочного познания сверхчувственного, выходящего за пределы нашего опыта», ибо «религия есть область чувства, а не рассудка». Но для Светлова здесь нет противоречий, поскольку, по его мнению, «богословие, в известной постановке, есть наука в полном и точном смысле этого слова, такая же действительная наука, как и всякая из точных наук...». Справедливость вышеуказанных философов было бы верно, пишет богослов, если бы христианство было системой идей, но оно является живым духовным опытом, построенной на системе исторических событий, связанных с личностью Христа, что вполне доступно эмпирическому изучению, особенно, если этим изучением занимается человек, обладающий подобным духовным опытом (как «факт психологический и внутренне-субъективный процесс») [6, с. 331–333]. «Христианское знание, – резюмирует П. Светлов, – имеет совершенно эмпирический характер, и делает не только возможным, но даже необходимым эмпирическое построение богословия, соответствующее существу христианства. Но в таком построении богословие становится наукою в точном значении этого слова» [6, с. 335]. И даже богословские догматы, по мнению Светлова, в основе своей опираются на исторические факты жизни и деятельности основателя христианства. При этом, наука тоже опирается на некие недоказуемые исходные позиции «представляют собою ряд гипотез, явно боящихся прикосновения критической мысли». Подытоживая сказанное, мыслитель фиксирует: «Ни в христианской религии и богословии, ни даже в механизме или строе самого университетского образования нет препятствий к принятию богословия в семью университетских наук» [6, с. 337–338].

На дискуссионной площадке вышеупомянутого Предсоборного присутствия, проф. Светлов лапидарно изложил свои тезисы, касательно развития теологии в

образовательном пространстве Российской империи, исходной позицией которых был полный перенос богословия в университеты: «Сосредоточение высшего духовного просвещения в академиях отзывается на самой богословской науке – сужением богословской мысли и разобщенностью с жизнью, духовные академии являются оплотом кастового богословского образования, благоприятные условия для развития богословской науки в академиях отсутствуют: здесь нет свободы для науки и не будет... С открытием доступа семинаристам в университеты светские науки в академиях не нужны, потому что семинаристы пойдут изучать эти науки скорее в университеты...» [2, с. 789]. Светлов ориентировался на западную модель функционирования теологического образования, он даже прямо пишет, что западная модель университета показала: «без богословия университет не может быть университетом» [6, с. 322]. Концепцию связи церковной институции и университетских теологических факультетов, по мнению П. Светлова, можно взять из опыта Германии [2, с. 794].

Разницу между университетским подходом и духовно-академическим Светлов так понимал следующим образом: «Академии обслуживают практические нужды Церкви, в университетах же постановка преподавания прежде всего научная, и сами профессора идут против утилитарного направления науки, служения ее со вне навязываемой ей правительственной политикой программе» [2, с. 790].

Принципиальным противником позиции Светлова был его коллега, известный историк проф. С. Т. Голубев, который настаивал на конфессиональной направленности богословия и невозможности элиминации экклезиоцентризма, поскольку только в парадигме православного дискурса возможно релевантное изучение теологических дисциплин. На стороне сохранения академий был и авторитетный богослов проф. Н.Н. Глубоковский [1, с. 12–13]. По итогам дискуссии на Предсоборном присутствии за сохранение академий проголосовали все, кроме Светлова, при этом, например, проф. Глубоковский отметил, что если он ранее и поддерживал идею богословских факультетов, что теперь «отрекается от подобного ее применения» [2, с. 794].

Как видим, позиция проф. П. Я. Светлова была по-своему достаточно логичной, хоть и опиралась на принятие определенных исходных принципов, прежде всего, ориентацию на общество с ярко выраженной направленностью в сторону православной духовно-культурной традиции. Мыслитель и внутренне концептуально, и внешне технически делал попытку обосновать необходимость внедрения теологического образования в университетскую среду, поскольку именно она давала бы почву, прежде всего, внутреннюю свободу исследователя, дальше развивать богословскую науку, чего не могла дать духовно-академическая среда, со всех сторон ограничивающая свободу движения богословской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянов, Н., прот. *Богословие в системе научного знания (по материалам дискуссии о высшем духовном образовании в 1905–1906 гг.) / прот. Н. Емельянов // Вестник ПСТГУ. – II: История. История Русской Православной Церкви. – 2012. – Вып. 2 (45). – С. 7–19.*
2. *Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.): в 4-х тт. – Том 3 / Ред. колл.: Э. Бринер [и др.]. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2014. – 1057 с.*
3. Налётова, Н. Ю. *К вопросу о реформировании высшего богословского образования в России начала XX века / Н. Ю. Налётова // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2(59). – С. 115–118.*
4. Попов, И. В. *Богословские факультеты [Рец. на: Светлов, П. Я., проф. О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России. Киев, 1906] // Богословский вестник. – 1906. – Т. 1. – №2. – С. 392 – 401.*
5. Светлов, П. Я. *О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России / П. Я. Светлов. – К.: Типография Н. А. Гирик, 1906. – 30 с.*
6. Светлов, П. Я. *Место богословия в семье университетских наук / П. Я. Светлов // Христианское чтение. – 1897. – № 11. – С. 320 – 338.*
7. Флоровский, Г. В. *Пути русского богословия / Г. В. Флоровский; Отв. ред. О. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. – 848 с.*